

**МОТИВ ВОПЛОЩЕНИЯ/ВНЕДРЕНИЯ В ЧУЖОЕ ТЕЛО
В КНИГЕ В. ПЕЛЕВИНА «АНАНАСНАЯ ВОДА
ДЛЯ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ»**

Аннотация.

В книге «Ананасная вода для прекрасной дамы» В. Пелевин активно использует характерный для поэтики абсурда мотив *воплощения в чужое тело*. В представленных в ней постмодернистских рассказах и повестях он нередко служит для «снятия» абсурдистского тождества « $A = \text{не } A$ » через выход к абсурду метафизическому как таковому и в сферу непознаваемого и трансцендентного.

Ключевые слова: поэтика абсурда, мотив, воплощение, метафизика, христианство, буддизм.

Анотація.

Мотив втілення/впровадження в чуже тіло у книзі В. Пелевіна «Ананасна вода для прекрасної дами».

У книзі «Ананасна вода для прекрасної дами» В. Пелевін активно використовує характерний для поезики абсурду мотив *втілення у чуже тіло*. У представлених в ній постмодерністських оповіданнях і повістях він нерідко слугує для «зняття» абсурдистської тотожності « $A = \text{не } a$ » через вихід до абсурду метафізичного як такого та у сферу непізнаваного і трансцендентного.

Ключові слова: поезика абсурду, мотив, втілення, метафізика, християнство, буддизм.

Summary.

The motif of *embodiment/implantation into another's body* in Pelevin's book «The Pineapple Water for a Beautiful Lady».

In his book «The Pineapple Water for a Beautiful Lady» V. Pelevin actively uses a motif inherent to the poetics of the absurd, that is, of *embodiment/implantation into another's body*. In its post-modernist stories and novels it often serves for «lifting» the absurdist equation of « $A = \text{not } A$ » through a way out to the metaphysical absurd as such, and into the sphere of the unknown and transcendent.

Key words: poetics of the absurd, motif, embodiment, metaphysics, Christianity, Buddhism.

Дискредитация аксиологических ориентиров предшествующих периодов развития общества, эсхатологическое переживание неустойчивости бытия, ощущение мнимости мира реального, столь характерное для переходных эпох, и в начале XX века, и на рубеже XX-XXI веков провоцируют акцентацию в произведениях алогичности, рассогласованности, абсурдности мира и одновременно – поиски «снятия» абсурдистского тождества «А = не А» через выход уже за пределы разума и к абсурду метафизическому как таковому. Отсюда – активная эксплуатация поэтики абсурда, к которой Ольга Чернорицкая относит приемы конструирования не схожей с действительностью реальности; приемы снижающего перекодирования, используемые при расшатывании стилевых, жанровых и сюжетных канонов и приведении определенной идеи, в которой современники не видят идеологического подвоха или ничего, противоречащего здравому смыслу, к некоему тупику, когда путем авторской игры меняется смысл ее ключевых элементов¹; логическое развертывание метафоры, при котором возникают отношения, вызывающие ситуацию абсурда; обращение автора, обладающего логическим мышлением, к структурам мифологического мышления, склонным к буквальному прочтению метафор, и игру с ними; нарушение согласованности и обрядовости, соотносимое с разрушением тех или иных канонов; выведение определенной теории за ее границы (места, времени, определенных условий), вне которых она превращается в бессмыслицу; вуалирование уродливой истины прекрасной и соответствующей тем или иным канонам изображения формы (противоречие формы и содержания); присутствие элемента обнажения, прозрения, проч.² Главным содержанием всех этих приемов и принципов художественной абсурдизации, к которым Ольга Буренина относит помимо уже перечисленных «алогизм, катахрезу, парадокс, гротеск, антиномии и метаморфозу, принципы ассоциативности и случайности и др.», «является экспликация напряженного противостояния проти-

---

¹ Чернорицкая О. Поэтика абсурда. – Т. 1: Классика. – Вологда, 2001. – 84 с.

² Чернорицкая О.Л. Поэтика абсурда в аспекте литературно-художественной методологии. АКД. – М., 2002. – 18 с.

воположных, рассудочно не соединимых фактов»¹. О.Буренина отмечает, что среди вариантов художественного абсурда «можно выделить дискурсивный, жанровый, композиционный, сюжетный А.»². В качестве же одного из нередко встречаемых мотивов в литературе, наиболее ярко представляющей «абсурдные тенденции в художественной культуре двадцатого столетия от эпохи символизма и авангарда до постмодернизма»³, исследовательница, наряду с другими, выделяет и *мотив воплощения в чужое тело*, к которому обращались в свое время и представители символистского абсурда (Сологуб), и их последователи (В.Набоков и др.) в предыдущие десятилетия⁴, и который, добавим, активно эксплуатируется ныне в прозе В.Пелевина, Д.Липскеровой, А.Слаповского, А.Левкина, Л.Петрушевской и других авторов, обрастая новыми коннотациями.

К примеру, состоящая из двух повестей и трех рассказов и являющаяся своего рода «“Войной и Миром” эпохи, в которую нет “ни мира, ни войны”»⁵, книга В.Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы» представляет читателю весь абсурд перенасыщенной наносными истинами, предельно идеологизированной и во многом искусственной техногенной цивилизации. На ее страницах, как уже отмечалось на интернет-форумах, поднимаются такие темы, как «Wikileaks», исламофобия, новые витки холодной войны, кризис колебания мировых валют, загадки пресловутой «русской души», природа русского коммунизма, связи распада СССР с бумом доткомов, цинизм власти, диверсии МГБ, ФСБ и ЦРУ, деятельность СМИ, работа интернета и служб Google Secret Service. В центре внимания автора, добавим, находятся идеологический маркетинг и нейролингвистическое программирование, моделирование субъект-

---

¹ Буренина О.Д. Абсурда поэтика // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д.Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной, Intarda, 2008. – С. 7-8.

² Там же. – С. 8.

³ Буренина О.Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2005. – С. 263.

⁴ Там же. – С. 235-236.

⁵ Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы. Войн@ и мир. – М.: ЭКСМО, 2011. – С. 4 (Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках).

субъектных отношений по аналогии с «богообщением» как самодостаточных одухотворенных и самоценных личностей (по типу «Я – Ты») и отношения утилитарно-отчужденного мира (по типу «Я – Оно» как у М.Бубера); искусственный интеллект и возможности «рукотворного разума»; сознание и бессознательное; интуиция, вера и разум; конкурентоспособность религий в контексте реалий XX-XXI века, силы Бога и Дьявола и их роль в управлении макрокосмом всего бытия. Абсурдность представляемого в книге мира подчеркивается обращением к уже перечисленным выше приемам и способам построения текста и заявляется изначально использованием в ее подзаголовке двух видов графики («Войн@ и мiр»), манифестирующих его рассогласованность и алогизм. Последние, в свою очередь, легитимизируются введенной в текст первой повести формулой Тертуллиана «Credo quia absurdum est [...] Верую, ибо абсурдно» (с. 39), усиленной ее смысловым аналогом, приводимым на следующей странице: «Credibile est, quia ineptum est! Правдоподобно, ибо нелепо!» (с. 40). В книге, являющей собой симбиоз фантастики и подробных реалистических описаний галлюцинаторных «опытов» со вкраплениями философических эссе, иронической прозы, нередко в себе совмещающей традиции позднего киберпанка и психоделической литературы, встречаются отсылки к работам Платона, Тертуллиана, Я.Беме, М.Бубера, Ф.Ницше, Н.Бердяева, к сочинениям оккультистов и к теологическим построениям индуизма, буддизма и христианства как в западной, так и восточной его версиях, к произведениям французских писателей-экзистенциалистов 60-х годов, к сочинениям Г.Державина, Ф.Сологуба, М.Булгакова, Д.Андреева, Лонгфелло, Х.Борхеса, Дж.Руми, Саади, к произведениям исламской мистической поэзии, а также к маскульту XX века (Фил Коллинз, Стивен Кинг, Леонард Коэн, тексты советских песен). В процессе же деконструкции культурного интертекста упоминаются Б.Пастернак, В.Маяковский, В.Шукшин, А.Солженицын и др.

Книга построена по принципу Сети, все ее части связаны между собой нелинейно, образуя единый макротекст, цельность которого выявляется в используемых В.Пелевиным тематических и мотивных переключках, а также в миграции героев из одного произведения в другое или в упоминаниях о них в произведениях других. К примеру, о мемуарах Левитана,

героя повести «Операция “Burning Bush”», упоминается в повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби», а сам Левитан в своих мемуарах (читай – в первой повести) пишет, как, пребывая в Палолеме в Израиле, он случайно встречает в аювердическом публичном доме Олега – героя рассказа «Созерцатель тени». В свою очередь, Олег из «Созерцателя тени» оказывается в Индии гидом того, кто «уже завязал с буддизмом и искал теперь выход на секту душителей-тхагов» (с. 238), – героя рассказа «Тхаги». Представленные в книге повести и рассказы объединены также сквозным образом некоего притягивающего к себе лучи света и их испускающего треугольника, являющегося символом сущего в бытии и ассоциируемого с гармонией и порядком, триадами «небо, земля и подземный мир», «вода, земля и огонь», с вписанной в треугольник Десницей Бога как знака его вездесущести, мудрости и ниспосылаемой благодати. Одновременно он связан также с таинственным «третьим глазом» в буддизме и с христианскими Святой Троицей и самим Творцом, с мотивами таинства воплощения Божьего Духа и аватарами-превращениями/воплощениями тримурти Брахмы, Шиву и Вишну. Христианская парадигма прочтения текста и парадигма буддизма и индуизма во всей книге совмещены, но последние к концу ее более акцентируются. Поэтому лейтмотивным в ней является также не менее знаковый образ мифической *vipassаны* – «высокой дороги всех будд и архатов» (с. 143), открытой для всех, кто желает постичь саму суть бытия, и встречаемой в разных модификациях. По ней устремляется разорванное сознание рефлектирующих героев, стремящихся через проникновение в метафизику бытия найти свое место в абсурдной действительности. Пытаясь через расширение своего сознания с помощью религиозных и психоделических практик прорваться к абсурду метафизическому, они хотят прочувствовать и понять, *что* есть Дьявол и Бог, и *чего* воплощением представляется мир и живущий в нем человек, *кто* в нем правит всем, и *кто* кем управляет.

Известно, что постижение Бога и в христианской традиции, и в буддизме и индуизме всегда опирается на откровение/просветление (личный мистический опыт), а также на веру в учения и теологические построения определенной конфессиональной направленности. Постигание мира реального – на личный опыт реальных контактов с действительностью и знания законов его развития в их научной логической обоснованности и

системности. Однако, как и во многих произведениях постмодернизма, в книге В.Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы» бинарные оппозиции «вера – разум», «рациональное – иррациональное», «бессознательное – сознание», «реальное – идеальное» уравниваются и даются как равноправные. Поэтому здесь мы имеем не преодоление в ней представляемого абсурда реальности ее героями, а его «снятие», причем *мотив воплощения в чужое тело* трактуется автором и в рационально-логическом, и в теологическом, и философском ключе.

В открывающей книгу повести «Операция “Burning Bush”» *мотив воплощения в чужое тело* представлен и как логическое развертывание метафоры *отелеснения Гласа Божьего* (а также – голоса Дьявола), и в своей модификации *внедрения* (в буквальном смысле) в психические процессы и в тело *Другого* для манипуляций его представлениями и поведением. В ней до абсурда доводится идея возможности использования как ФСБ России, так и службами ЦРУ США явления детонирования, возникающего порой при пломбировании и протезировании с использованием биметаллических сплавов. Автор пишет, что в России «в эпоху СССР» якобы «было сделано открытие, что зубная пломба определенной формы, изготовленная из биметаллической пластинки, способна работать как радиоприемник, используя крохотные разности потенциалов, накапливающиеся в полости зуба. Этим феноменом заинтересовались спецслужбы [...]». Постепенно удалось создать пломбу, которая не только принимала сигнал и преобразовывала его в звуковую волну, поступающую в височную кость, но способна была на обратную трансформацию – превращала речь в электромагнитный импульс, излучаемый затем в пространство. Предполагалось, что такие пломбы, можно будет ставить, например, разведчикам и диверсантам, чтобы вооружить их ультракомпактной системой связи» (с. 29-30), однако технически осуществить этот замысел не удалось. В начале нового века «разведка вновь заинтересовалась советским открытием, только уже совсем в других видах» (с. 30), – с целью непосредственного влияния на представителей верховной власти других стран, и в данном случае на президента США Джорджа Буша. Учитывая его религиозность, было задумано внушать ему те или иные мысли якобы от имени самого Бога. Автор пишет, что «зубной врач Буша был старым советским агентом, спящим кротом глубокого внедрения, который был

завербован задолго до того, как в числе его клиентов появился будущий президент США. [...] Биметаллический имплант в верхней челюсти Буша был одним из последних чудес отечественного ВПК [...]. Для разговора Буша с Богом идеально подходило ранчо Бушей в Кроуфорде. Ретрансляционная аппаратура была уже там [...]. Теперь ждали, когда Буш придет на ранчо» (с. 68), и на специально оборудованной базе войск связи «готовили» того, кто *воплотится в Глас самого Бога*. Им за миллион долларов должен был стать некий Семен Исакович Левитан, преподаватель английского языка и «отдаленный родственник знаменитого советского радиодиктора Юрия Левитана, который в сороковые годы озвучивал по радио сводки информбюро» (с. 8), – обладатель такого же красивого голоса «таинственного серебристо-ночного тембра».

Левитану вставляют такую же пломбу, как и у Буша, которая действует и как приемник, и как ретранслятор. Через нее к нему поступают голоса чтецов, доносящих положения теософских трактатов, различного рода учений и философских работ, произведения русской и мировой классики, в которых его наиболее радует «исламская духовная образность». За два с лишним месяца подготовки через его «распластанный в темноте ум» проходят «рассудительные хасиды Мартина Бубера, прекрасный голый мальчик Мейстера Экхарта (тот был католиком), Кришна из Бхагават-Гиты, Парабрахман и Атман, Логос Даниила Андреева, сокрытый человек Якова Беме и многие другие формы, сквозь которые человек прозревал Сущего» (с. 48). Предполагается, что до этого атеистически настроенный Семен Левитан, чтоб постичь суть *Его* и затем *воплотиться в Его Голос*, должен не только овладеть чужим мистическим опытом, но и лично сам пережить то, что принято называть откровением/просветлением. Поэтому на сеансах сенсорной депривации, в ходе которых он слушает все эти тексты, его помещают в закрытую темную камеру-ванну с соленой водой, где теряется ощущение тела, пространства и времени. Перед этим его поят «кваском» с ЛСД-25, и последнее – не случайно. Уже с середины прошлого века было известно, что некоторые LSD-«стрипы» очень напоминают «религиозные или мистические переживания, следы которых можно было встретить разве что в священных сводах мировых религий, в житиях святых, свидетельствах пророков и отшельников всех времен и

народов»¹. Опубликованные в 1957 году врачом-экспериментатором Хамфри Осмондом отчеты, «подтверждающие вызываемые LSD эффекты озарения, близкие религиозным переживаниям»², в свое время привели даже к ряду дискуссий, касающихся «химического мистицизма» в США и Европе. Одни «полагали, что явленное на сеансах LSD-терапии *окончательно побеждает религию*», другие зывали к «необходимости применения LSD для „религиозных исследований“». Как отмечает в своей монографии, посвященной анализу LSD, галлюциногенов и психоделии Александр Данилин, «в рядах католических теологов находились такие, что предлагали рассматривать LSD и другие галлюциногены как *нечто таинственное*; сам прием LSD объявлялся ими *религиозным таинством*. Предлагали и даже прекратить эксперименты, и перенести прием LSD из лабораторий в стены церкви. Лишь единицы отказывались принять LSD-переживания как Божественную благодать, считая LSD происками Антихриста. „Благодать является результатом стоического духовного служения... Благодать – это высшая духовная награда, которую может получить человек в результате поклонения, отречения и покаяния. Химическая благодать не может обернуться ничем, кроме обмана – главного его (врага Христа – А.Д.) оружия, падения и ничтожества...” – писал американский православный священник Серафим Роуз. Однако таких авторов почти никто не слушал»³. После дискуссий в печати LSD и другие психоактивные вещества перестали оставаться достоянием сугубо медицинских институтов и их стали легально нелегально использовать в разных целях. Эффект их воздействия и алгоритм применения и представляется в произведении.

Известно, что направление наркотических переживаний во время трипа зависит от установки, которую задает грезящему «визионеру» присутствующий рядом с ним партнер-наблюдатель – его «проводник». Такими «проводниками» у героя повести В.Пелевина являются задающие ему символическую доминанту переживаний генерал Шмыга (фамилия про-

---

¹ Данилин А.Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 109.

² Там же. – С. 110.

³ Там же. – С. 109-110.

исходит от сленгового названия процесса инъекции и входа в состояние наркотического опьянения – «шмыгать») и доктор Добросвет (от «добро» и «свет» – просветление/озарение). В камере-ванне, куда помещали Левитана, не было «ничего, кроме предвечной тьмы. В общем, все становилось точь-в-точь как до сотворения Земли – вот только Дух Божий не носился над водою. И именно это Добросвет и собирался поправить» (с. 44). Под воздействием ЛСД-25 у Левитана «давление мыслей слабело», «потом они пропадали совсем», и когда выяснялось, что герой уже не Семен Левитан, «а некое безымянное присутствие, пронизанное вспышками редких и очень красивых огоньков» (с. 45), включался «радиозуб».

Во время одного из сеансов сенсорной депривации, когда Левитану мощным басом зачитывают оду Гавриила Державина «Бог», он как бы возносится «к чему-то бесконечно-высокому и прекрасному» и успевает понять, что «такой невообразимый взлет возможен, и это прекрасное – на самом деле существует в его высшей точке...» (с. 52). Героя посещают переживания, в которых он чувствует себя то своим истлевшим во прахе телом, то рассеянным из этого праха облаком, то свободным умом, «который может стать чем угодно» (с. 54), – и он становится то царем, то рабом, то червем, а потом самим Богом. «И вдруг, – вспоминает он спустя годы, – я понял, что Бог – это единственная душа в мире, а все прочие создания есть лишь танцующие в ней механизмы, и *Он лично наполняет собой каждый из этих механизмов¹*, и в *каждый из них Он входит весь*, ибо Ему ничего не мелко. Я понял, что *Бог принял форму тысячи разных сил*, которые столкнулись друг с другом и сотворили меня – и я, Семен Левитан, со своей лысиной и очками, весь создан из Бога, и *кроме Бога во мне ничего нет*, и если это не высшая любовь, какая только может быть, то что же тогда любовь? И как я могу на нее ответить? Чем? Ибо, понял я, нет никакого Семена Левитана, а только неизмеримое, и в нем самая моя суть и стержень, – то, на что наматывается весь остальной скучный мир. И вся эта дикая кутерьма, на которую мы всю жизнь жалуемся себе и друг другу, существует только для того, чтобы могла *воплотиться* непостижимая, прекрасная, удивительная, ни на что не похожая *любовь* – про которую нельзя даже сказать, кто ее субъект и объект, по-

---

¹ Здесь и далее в тексте выделение курсивом наше. – Л.Ш.

тому что, если пытаешься проследить ее конец и начало, поймешь, что ничего кроме нее на самом деле нет, и сам ты и она – одно и то же. И вот это, неопишное, превосходящее любую попытку даже связно думать – и есть Бог, и когда Он хочет, Он берет тебя на эту высоту из заколдованного мира, и ты видишь все ясно и без сомнений, и ты и Он – одно» (с. 56). И *в единстве с Ним* весь абсурд бытия уже не имеет значения и «снимается» в выходе в запредельное.

Левитан не рассказывает о своих переживаниях ни Добросвету, ни Шмыге, ему это кажется просто предательством чуда. Внешне все продолжается как и прежде, но теперь герой отличает «правду от вымысла и уродливых спекуляций мертвого интеллекта» (с. 58). Ужас для него состоит только в том, что без камеры-ванны и ЛСД-25 восхождения к Абсолюту, слияния с ним он не переживает. Автор пишет, что когда Левитан вновь «обретал свое человеческое тело», его «духовные очи заросли коростой тревог, обид и желаний», и он «превращался в такой же неодушевленный механизм, как те, что ходили вокруг» (с. 59). Парадокс был еще и в том, что в Левитане как таковом уже как бы «был дух Божий, равно пронизывающий всех и вся, но он и не думал прикасаться к рычагам управления, как ребенок не трогает заводную машинку, которую пустил по полу» (с. 59), а от Левитана, *отелесняющего Глас Божий*, как раз и требовалось по подсказкам других *управлять*. Подавляемый волей других, не имея возможности что-либо изменить, *Левитан в воплощении Божьего Гласа* сам становится управляемой в этом мире богами-людьми шестеренкой-«машинкой», используемой для чужих целей. В течение шести лет он участвует в операции «*Burning Bush*», имеющей такое «английское название потому, что в нем два смысла [...]». Горящий куст – это одно из библейских лиц Бога. Ну а паленый Буш есть паленый Буш...» (с. 41).

Во время одного из сеансов сенсорной депривации, когда Левитана приводят «в состояние „динамического богочеловека”» и используют в качестве *воплощенного Гласа Божьего*, который выходит в эфир и звучит в голове Буша, «наталкивая» его на нужные размышления, рассуждения и поступки, Буш с раскаянием признается, что американские спецслужбы уже многие десятилетия используют для влияния на внутреннюю и внешнюю политику СССР и России некий находящийся в

специальной Гранитной комнате Кремля «массивный гранитный артефакт – „трон Гагтунгра”, как бы вертикально поставленный сагкофаг с вмонтированным в него креслом» (с. 94). Его после прочтения «Розы мира» Леонида Андреева, «где говорилось о телепатическом общении с Гагтунгром и другими демонами темных иерархий», якобы велел в 1949 году соорудить сам Сталин, желая «впадать в описанный великим духовидцем транс» (с. 94). Устройством трона и комнаты занимались люди Берии, который «решил извлечь для себя выгоду из очередного хобби вождя – и проложил в стенах и камнях саркофага хитроумно замаскированную систему пустых полостей, передававших и даже усиливавших голос человека, находившегося в соседней комнате, где в те годы было помещение спецсвязи. [...] Чертом у Сталина работал специально натренированный МГБ человек, который промывал генералиссимусу мозги, готовя переход к власти Берии. Но Хрущев отравил Сталина чуть раньше, чем это планировал сделать Берия, и вся венецианская интрига рухнула. Берию расстреляли [...]» (с. 95), а изображавший черта майор МГБ Лаптев, сообразив, что его ждет, перебежал к американцам. Доводя эту абсурдную «историю» до предела, В.Пелевин пишет, что ведомство Аллана Даллеса заинтересовалось переданной им Лаптевым информацией и, «используя свое техническое превосходство», наладило «связь с комнатой Гагтунгра прямо из посольства [...]». Оно «точно рассчитало, что рано или поздно Хрущев захочет посидеть на троне своего свергнутого бога. И однажды этот трон заговорил. Он говорил все шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые и девяностые. [...] Роль, которую сыграла комната Гагтунгра в истории, понятна без слов [...]. Карибский кризис, Чехословакия, Афганистан – Советский Союз низвергался все ниже. Но каждый из красных императоров, унаследовав комнату Гагтунгра, без колебаний садился на дающий мудрые советы трон. Причина была в том, что вожди компартии хорошо понимали демоническую природу своей власти – и были вполне готовы встретить на самом верху связанного из ада. Кроме того, все советские лидеры получали и удерживали власть путем аппаратных интриг, а в этом деле помощь Сатаны незаменима» (с. 96-98).

Узнав о троне Гагтунгра, генерал Шмыга задумывает никем не санкционированную операцию, целью которой является тайно перехватить у США канал связи и по нему голосом подготовленного «собственного

Люцифера» выступить «с меморандумом о намерениях. Типа как от главного Вельзевула, который командует всеми этими гагтунграми. Самого старшего по званию. [...] Чтобы [...] передать эстафету другому черту» (с. 103), – теперь своему, и использовать его в своих целях. Перед Левитаном ставится задача стать голосом Дьявола, и процесс подготовки его к новой роли идет по той же схеме, которая использовалась для его воплощения в голос Бога. На очередных сеансах сенсорной депривации Левитан еще продолжает порой со стыдом осознания своего вынужденного падения прозревать *Око Бога*, таинственный *Глаз Его* и себя на конце устремленного *от Него* и *к Нему же луча*, вместе с тем ему ясным становится, что тот «опыт», который он приобрел под влиянием лишь ЛСД-25 и готовивших его «проводников» в первый раз – без действительного духовного просветления, – на поверку оказывается суррогатным, не истинным, ибо под руководством «партнеров» в кратчайшие сроки сменяется «опытом» противоположной направленности, когда уже вовсе не Бог, а сам *Сатана как бы входит в него*.

Левитану еще не раз предстоит *воплотиться и в голос Дьявола*, и в *голос Бога*, а также «*работать Иеговой Саваофом Адонаи*» и др., когда после «зачистки» специально оборудованной базы войск связи в России он по иронии судьбы попадет в руки кавказских бандитов, а затем «в лучших традициях „Большой игры”» его «выкупит у них МИ-6», и он уже даже не будет знать, на кого он работает, «*сидя в Израиловке*», но будет думать, «*что это ЦРУ*» (с. 134-135). Во время тренировочных сессий он порой ощущает себя «горящим кустом» и начинает «видеть прошлое – с некой особой точки, находящейся вне времени и пространства» (с. 137). Не имея возможности сам лично (вне чужой воли и принуждения) что-либо изменить и в себе, и вокруг, Левитан, и до встречи со Шмыгой веривший, что в этом мире «[...] что-то такое есть. Какая-то сила, которая... Наводит порядок» (с. 33), пытается теперь это *что-то* постичь уже без ЛСД-25 и других психотропов широкого действия. Герой хочет понять суть, стержень/ось всего и пытается убежать от абсурдной действительности, обращаясь к буддизму и медитативному мистицизму. Уже как бы побывав, как и Будда, в различных модификациях форм воплощения, но в отличие от него исполняющий свою миссию не по своей доброй воле, а по принуждению, Левитан жаждет выхода к трансцен-

дентному как к тому, что единственно несет ему избавление от страданий и успокоение. Открыв для себя то, что называется «випассаной» – «высокой дорогой всех будд и архатов», в своих мемуарах он признается: «Випассаной я занимаюсь для души. И на этом пути ни разу не встретил ни Бога, ни черта. Что, безусловно, радует, поскольку такого добра мне хватает и на работе. И хоть я не представляю, что ждет меня впереди по служебной части, эта новая сторона моей жизни понятна мне вполне. Если все будет хорошо, скоро я вступлю в Поток и остановлю возникновение феноменов. Растворятся в пустоте ментальные формации, и я перестану гадать, что такое Бог – волна возбуждения, проходящая по нейронным сетям моего мозга, или неизмеримый источник всего, откуда вышли и мой мозг, и проносящиеся сквозь него мысли. А может быть, еще при жизни я стану архатом, которому никогда не надо будет возвращаться в эту скорбную юдоль смыслов и страстей. И если это случится, всей душой, всем своим пробитым навывлет сердцем я верую, что Господь меня простит – как я прощаю Его» (с. 145).

Мотив *воплощения в чужое тело* в рассказах и повестях, помещенных в книге В.Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы», представлен в различных модификациях, причем под *телом* может подразумевается и тело разума, тело сознания, тело души, и тело какого-либо механизма/машины, и тело идеи, и тело (в его зародыше и как *телесная предвозможность*) еще даже нерожденного человеческого существа. В повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби», представляющей лингвистические диверсии по отношению к американским беспилотным истребителям агента ФСБ в Афганистане Савелия Скотенкова, вынужденного играть в этом мире абсурда в чужую игру, его актуализация неразрывна с постановкой проблем, связанных с нейролингвистическим программированием и *внедрением в сознание* окружающих тех или иных *правильных*, с точки зрения правящих этим миром, *истин*, а также с проблемой, касающейся *воплощения в «нейронных сетях» компьютеров матрицы/алгоритма, согласно которой работает мозг человека*. Причем, вопросы о том, «возможен ли рукотворный разум» (с. 191), «может ли машина [...] действительно чувствовать и страдать как человек?» (с. 191), здесь переплетены с размышлениями о том, что есть *человеческий ум* и *чего и кого он является воплощением*, кто *внедрил* его в человека и для чего, что на самом

деле собой представляет *непостижимость*, которая «глядит из неизвестного науке измерения на человеческий мозг и возвещает в нем „я существую”», и может ли она «точно так же *войти в рукотворный мозг из силикона* и произнести в нем те же слова в двоичном коде?» (с. 195). В рассказе «Созерцатель тени» пытающийся постичь смысл всего в окружающей его абсурдной действительности гид-фрилэнсер Олег, узнав о том Методе, который используют заклинатели теней для выхода к трансцендентному, во время проводимых им медитаций как бы *внедряясь/проваливаясь в потустороннее* и уже будучи «вне себя» в прямом смысле, оказывается способным прозреть свое божественное начало и струящийся из него и через него *воплощенный в нем же самом, в его отелесненной душе Божий Свет*. В рассказе «Тхаги» в артефактах и символах таких империй зла, как США и СССР, можно прозреть *воплощения культа богини Кали*, которой приносятся жертвы и ныне, а в «трансцендентальном» пласте повествования завершающего книгу святочного рассказа «Отель хороших воплощений», актуализирующем культ лингамы – того животворного мужского начала, которое в индуизме идет от Шивы, – мы видим как бы *предвоплощение духа в потенциально готового к зарождению и рождению в мир уже нового человека*, и в акте его единения с Абсолютом абсурд действительности и абсурдистское тождество «А = не А» как бы «снимаются» сами собой. И, конечно же, все эти произведения требуют углубленного и детального рассмотрения.

УДК 821.161.1: 82-17 / Кузнецов

Н.И. ИЛЬИНСКАЯ
(Херсон)

**«АДСКАЯ ВОЛОСТЬ»
В ПОЭМЕ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА «СОШЕСТВИЕ В АД»:
ТРАДИЦИЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ**

В русской поэзии XX века поэма Ю. Кузнецова «Сошествие в ад» (2002) является наиболее масштабным художественным воплощением «эсхатологической идеи» (Н. Бердяев). В ней поведано о судьбах мира и